

Норрис Мирн

КОШМАРИУС

и Его некридуемые истории

Норрис Мирт

Кошмариус и его непридуманнные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69276526

SelfPub; 2023

Аннотация

Кошмариус – немного мрачноватый, но очаровательный город со своей историей. В книге собраны несколько рассказов о нём самом и о его жителях. Некоторые из них, казалось бы, хорошо знакомы читателям: оборотни, вампиры, призраки. Но это впечатление обманчиво, так как жители Кошмариуса полны неожиданностей. Так, местные вампиры не пьют кровь (правда, не все), а выращивают овощи, а оборотень присматривает за тремя сиротками, которые намного опаснее, чем он сам. С другими обитателями этого городка читателю ещё только предстоит познакомиться. Герои этих историй попадают в совершенно невероятные ситуации. Кто-то будет искать совесть, а кто-то – устраивать самые необычные похороны на свете. Вместе с персонажами небольших новелл читателю предстоит пройтись по улочкам Кошмариуса, побывать на Великом Погосте, Кривофонтанной площади и на Поганных болотах, поучаствовать в странных, пугающих, но весёлых событиях! Кто знает, может

быть, прочитав эту книгу, вы тоже найдёте себе место в Кошмариусе...

Содержание

Потерянная совесть	5
Вступление	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	38
Глава 5	53
Прозерпина Уэйн уходит на покой	65
Вступление	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Норрис Мирт Кошмариус и его непридуманнные истории

Потерянная совесть

Вступление

Эта история случилась в один ничем не примечательный день, когда все жители Кошмариуса занимались своими обычными делами и не очень-то обращали внимание на то, что по улицам города бродит подозрительного вида альраун и что-то ищет.

Нужно уточнить, что они не обращали на него внимания только до тех пор, пока он не подходил к кому-нибудь из них и, перебирая грязными лапками, не спрашивал жалобно и неуверенно: «Вы случайно не видели где-нибудь поблизости совесть? Ну знаете, такая маленькая мохнатая зверушка, которую очень непросто поймать?»

После такого неожиданного и, по правде сказать, дурацкого вопроса альраун ненадолго становился объектом пристального внимания. Люди, по-разному воспринимающие

подобные выходки, либо отмахивались от него, либо ухмылялись и говорили: «Надо меньше пить вина по утрам» или что-то в том же духе. Кто-то просто с раздражением смотрел на него и отворачивался. Короче говоря, странный альраун вызывал у горожан разную реакцию. В основном негативно-укоризненную.

Попадались, однако, и добряки, которые пытались как-то помочь бедолаге, видя, каким жалким и потерянным он выглядит. Правда, таких было немного. Наконец уставший альраун решил сменить выбранную тактику – болтаться по оживлённым и не очень улицам, выведывая про совесть у случайных прохожих, – и в задумчивости уселся на старый камень, подперев морду ладошкой и бесцельно глядя куда-то вдаль.

Глава 1

Случайное знакомство

Альраун Саймон, с виду напоминающий серого в угольную полоску кота с горящими оранжевым огоньком глазами, ободранным ухом и очень бойким характером, давно уже поселился в небольшом, но очень уютном особняке прозектора Кошмариуса господина Мортимера Кадавруса – и у этого достопочтенного джентльмена сразу же в жизни прибавилось проблем.

Господин Кадаврус любил размеренное и спокойное существование (несмотря на то что по долгу службы вот уже без малого пятнадцать лет никак не мог предаться такому образу жизни), во всём был человеком положительным и весьма уважаемым в городе. Говорят, что он даже был на хорошем счету у самого короля Валиса Скрытного, что, впрочем, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку король вместе с другими обитателями Разрушенного замка находится очень далеко от Кошмариуса, и мало кто хотел бы встретиться с ним лично. Господин Кадаврус любил порядок, и всё всегда и везде у него было на своих местах. К этому его обязывала должность прозектора Кошмариуса. В городе, где так много загадочного и странного, где загробная жизнь – такое же обычное явление, как и предшествующая ей жизнь обыкновенная, от прозектора требуются исключи-

тельная ответственность, порядочность, а также умение хранить мрачные тайны, которые могут поведать клиенты, коих в день господин Кадаврус принимает по два десятка. Прозектор в Кошмариусе¹ едва ли не самый важный человек, хотя это может прозвучать и нескромно.

Словом, у господина Кадавруса и без альрауна хватало забот. Но с тех пор, как Саймон появился в его доме, их стало ещё больше. И всё же добрый прозектор не мог не приютить альрауна – ведь однажды он спас Саймону жизнь. Случилось это так.

Господин Кадаврус – большой любитель прогулок по побережью Блэклой реки. Как-то раз, неспешно прохаживаясь вдоль берега, он увидел, что на ветке сухой скрюченной ивы сидит Саймон (правда, тогда имени у альрауна ещё не было) и с любопытством высматривает в мутной воде рыбу.

В ту пору течение у реки было довольно сильное – шёл се-

¹ Изначально прозектор призван заниматься малоприятной работой по вскрытию и препарированию усопших. Однако в Кошмариусе усопшие нередко приходят к прозектору самостоятельно. Ему не остаётся ничего иного, кроме как внимательно слушать посетителей, осматривать их, будто он обычный терапевт, а также составлять многочисленные документы, необходимые для юридически подтверждённого перехода из условного мира живых в мир мёртвых. Кроме того, прозектор зачастую разрешает разные конфликты между жителями города. Большинство кошмаритян твёрдо верят, что повздорившие соседи, разведённые супруги, не поделившие даму сердца джентльмены или разругавшиеся приятели – контингент ненадёжный. Именно такой контингент чаще всего является очередными внезапными постояльцами Великого Погоста, а следовательно, и клиентами господина Кадавруса. Надо признать, что жители Кошмариуса неплохо разбираются в психологии.

зон дождей. Река даже немного вышла из берегов, а потому рыбы в ней было предостаточно. Нижние ветви ивы росли как раз над водой и могли бы послужить прекрасным подспорьем тому, кто умеет рыбачить. Но альраун воспользоваться этим не сумел. К сожалению, рыболовом он был скверным. Когда он решился и запустил свою мохнатую лапу в воду, чтобы подцепить плывущую рыбку, то не удержался на ветке и бултыхнулся в реку. Увидев это, господин Кадаврус со всех ног бросился ему на помощь. Пловец, надо заметить, из альрауна оказался тоже так себе, и вероятность, что он не доплывёт до берега, а пойдёт ко дну, была велика. Но всё же альрауну повезло – течение несло его прямо к спасителю, и вскоре он оказался в руках заботливого господина Кадавруса. Стремительные воды Блэклой реки не унесли его, и он остался жив.

Когда спаситель привёл альрауна в свой особняк, его там обогрели у камина, накормили, дали выпить горячего глёга, а после господин Кадаврус предложил гостю остаться у него жить. Ушлый по натуре, альраун мигом взвесил все за и против заманчивого предложения и почти тут же его принял, согласившись даже откликаться на дурацкое имя Саймон.

Как известно, мы в ответе за тех, кого приручили, а господин Кадаврус безоговорочно следовал установленным правилам и моральным нормам, поэтому относился к своему подопечному со всей душой. Напротив, Саймон никаких правил не придерживался вовсе и, в отличие от своего по-

кровителя, не был обременён ни ответственностью, ни гражданским долгом. От природы альрауны отличаются дурным характером. Они любят пакостничать и досаждают людям. К тому же Саймон ещё и уродился похожим на кота, что тоже накладывало определённый отпечаток. Он не отличался ловкостью и напрочь был лишён грациозности, которая есть у каждого уважающего себя представителя славного семейства кошачьих – зато всё, что касается дерзости и граничащим с бестактностью стремлением к независимости, он, кажется, перенял у кошек сполна. Все эти обстоятельства позволили ему развить свой неусидчивый шальной характер до невообразимых пределов. Он хамил посетителям, приходившим к господину Кадаврусу за советом или по делу. Он перечил мистеру Роджеру, гробовщику-философу, хорошему другу прозектора, с которым господин Кадаврус часто до позднего вечера беседовал в гостиной за чашкой кофе, какао или за бокалом бренди. Он постоянно паясничал перед Драугом, упырём-дворецким, который, хоть и был учтив, сдержан и невозмутим, обладал, как и все, пределом терпения и иногда срывался, и гонялся за Саймоном по всему двухэтажному дому со старинной шпагой из коллекции господина Кадавруса. Конечно же, Саймон задирал прохожих по утрам, когда те спешили по своим делам мимо дома прозектора. Сидя на безопасном расстоянии на рифлёной коричневой плитке кривой крыши особняка, он гримасничал, и орал сверху всякие неприличные стишки, кидался камешками и косточ-

ками от ягод, а мог даже плюнуть на шляпку какой-нибудь даме – что вполне было в его духе. Спал он до самого обеда, а днём, если у господина Кадавруса не было посетителей, слонялся по особняку и устраивал разные пакости. Вечером он старался привлечь внимание всех, кто находился в доме: шумел, носился по лестницам, таскал со стола еду, влезал в чужие разговоры, за что господину Кадаврусу то и дело приходилось извиняться перед посетителями и гостями.

В особняке господина Кадавруса жила также Агриппина, ведьма средней руки. То есть вроде бы и ведьма, но с очень слабой колдовской силой. Свои умения она использовала в основном в кулинарии, что было весьма кстати. Готовить она любила, и делала это отменно. Сказывалось, что из всех многочисленных ведьмовских наук Агриппина в совершенстве знала лишь зельеварение.

Женщина строгая и консервативная, Агриппина, сильно разозлившись, могла навести порчу или небольшой сглаз. Она была единственным человеком, которого Саймон боялся. Или, если говорить точнее, опасался и считался с ней, а потому вёл себя в её присутствии осторожнее. Причины на то были: во-первых, она готовила для него рыбу, которую он просто обожал; во-вторых, она могла подсыпать слабенького яду в эту самую рыбу, и тогда пришлось бы пить противные отвары; ну и, в-третьих, как ни крути, она всё-таки была ведьмой.

Таким образом, отношения у Саймона со всеми вокруг

складывались не самые дружественные. Кто-то его даже откровенно ненавидел. Своего покровителя, господина Кадавруса, Саймон, если говорить начистоту, тоже не сильно уважал. Но памятуя о том, что тот для него сделал, всё же не позволял себе докучать ему слишком сильно. Альраун жил под крышей прозектора, но считал себя в доме самым главным, как это часто случается и у котом. Хотя, как мы уже разобрались, котом в действительности он не являлся, а всего лишь был похож на него. Впрочем, альрауны сами по себе существа со сложным характером.

Как бы то ни было, жилось Саймону легко и весело. Он знал, что все его шалости со временем будут забыты, а господин Кадаврус человек отходчивый и, случись что, простит Саймону любую проделку. Он был уверен, что всегда будет сыт и обогрет и может делать всё что заблагорассудится.

Прожив такой жизнью без малого два года, Саймон вконец обнаглел. Хотя Агриппина и ругала его, и даже начала называть Котом-обормотом, а Драуг иногда пытался проткнуть его старинной шпагой с почерневшим от времени эфесом, почти все хулиганские выходки сходили этому несносному альрауну с рук. Такое положение дел, возможно, продолжалось бы ещё чётёрт знает сколько, не случись однажды одного инцидента.

Глава 2

Вопиющая выходка Саймона

Как-то утром ранней весной, когда ещё промозгло и сыро, а те из немногих деревьев Кошмариуса, которые умудряются цвести, не пробудились пока от зимней спячки, господин Кадаврус ушёл по делам. Агриппина была в кладовой, а Драг решил вздремнуть в своём гробу на чердаке. Саймон, как обычно, сидел скучал у окна и следил за прохожими. Сначала он не находил для себя ничего интересного в проходивших мимо людях, но вдруг его внимание привлекла пёстрая компания около Кривофонтанной площади². Компания была довольно большой – человек двадцать – и весьма разно-

² Одна из главных достопримечательностей города, большая круглая площадь с фонтаном посредине, который носит название «Кривой». Кривофонтанная площадь – излюбленное место для различных сборищ, парадов, выступлений уличных артистов, праздников и фестивалей. Сам же фонтан представляет собой монументальное произведение кошмаритянского искусства. Это гротескное нагромождение каменных и бронзовых скульптур различных потусторонних существ вроде рогатых чертей, шипастых демонов, горящих в пламени, огромных мерзких жаб, крылатых и ползучих тварей невиданных размеров и форм. Каждое изваяние изрыгает жижу мутно-зелёного цвета, которая, по всей видимости, бьёт непосредственно из-под земли. На самом верху этих сидящих друг на друге существ находится русалка с печальным лицом и безжизненными глазами. По её волосам стекает всё та же зелёная жижа – несмотря на неприятную консистенцию, она весьма ценится за целительные свойства; а дурнопахнущий мох, коим порос весь Кривой фонтан, используется некоторыми алхимиками и зельеварами для многочисленных отваров.

шёрстной. Собравшиеся вели себя шумно: весело танцевали, смеялись и громко кричали. Саймон заподозрил, что они что-то празднуют. Наверняка именно поэтому они пришли в самое людное и оживлённое место города. Цветастые незнакомцы облепили всю площадь и, пританцовывая и что-то напевая, то и дело приставали к прохожим, а один из них стоял чуть поодаль от всех возле какого-то огромного чугунного котла. Он что-то в нём готовил и постоянно совал туда свой нос, время от времени перемешивая содержимое большим выдавшим виды половником. Его соратники из числа танцующих на площади постоянно подбегали к нему, заглядывали в котёл и в знак одобрения хлопали его по плечу или по спине. Можно было предположить, что появление этих весёлых людей на Кривофонтанной было началом чего-то очень необычного и интересного.

Поскольку особняк господина Кадавруса расположен очень близко к главной площади Кошмариуса, волнующие ароматы, исходящие из чугунного котла, доносились и до Саймона, который, садясь у окна, всегда открывал створку. Пахло беконом и специями, чесноком и сладкой паприкой – неудивительно, что блюдо, готовящееся на Кривофонтанной площади, захватило воображение альрауна. Саймон всё пристальней вглядывался в танцующих людей, всё больше пропитывался восхитительным ароматом, и всё сильнее росло в нём желание присоединиться к этой чудесной компании.

Привыкший отдаваться всякому душевному порыву,

непоседливый альраун открыл окно нараспашку, оглянулся – не следит ли за ним Агриппина – и выпрыгнул на улицу. Через пару минут он уже влился в компанию, присоединившись к их торжеству.

Тем же вечером господин Кадаврус по обыкновению принимал у себя в гостях мистера Роджера. Они сидели за столом, накрытым на двоих, и вели неспешную беседу. После долгого дня хорошо распить бутылочку редкого вина, и на такой случай у господина Кадавруса как раз имеется неплохая коллекция³. Когда же совсем стемнело, они решили выпить ещё и по чашке какао.

За разговором с таким собеседником, как мистер Роджер, можно провести целую ночь, не заметив, что наступило утро. Шутка ли, мистер Роджер живёт уже во второй раз! Первая

³ Господин Кадаврус – увлечённый коллекционер. Он с молодых лет собирает великое множество разных разностей: картины, доспехи и оружие, рецепты разных блюд и много чего ещё. Особенно он гордится своей коллекцией элитных вин, где представлены почти все известные в стране сорта. Также в его особняке собраны замечательные картины знаменитых художников-кошмаринистов прошлого века. Венцом его личной картинной галереи является оригинал «Шальная голова держит путь на край земли». Это известная в кругах живописцев и художников картина, изображающая отрезанную голову, которая на перепончатых крыльях среди тёмных туч летит по направлению к горизонту. Многие завидуют господину Кадаврусу, ведь его многочисленные коллекции действительно весьма примечательны, а уж их общая стоимость...

его жизнь была наполнена множеством увлекательных событий и любопытных моментов, а сейчас, после того как мистер Роджер проспал под землёй без малого двести пятьдесят лет и успел стать скелетом, он начал вторую жизнь. В прошлом он был странником, пережившим на своём веку немало приключений, теперь же мистер Роджер – уважаемый гробовщик Кошмариуса. И эта вторая, послемогильная жизнь, по его собственному признанию, ничуть не уступает прежней и полна всяческих неожиданных поворотов, которым он не перестаёт удивляться.

Один из таких неожиданных поворотов, что так любит мистер Роджер, произошёл непосредственно в это самое время.

В дверной колокольчик позвонили. Как-то слишком настойчиво и резко, как обычно это делают суровые представители королевской стражи, если наведываются в Кошмариус, что, к счастью, происходит крайне редко. Мистер Роджер и господин Кадаврус в недоумении переглянулись, и упырь Драуг с согласия хозяина пошёл открывать дверь. Он уже намеревался поприветствовать поздних гостей с соответствующей учтивостью, но стоило двери отвориться, как с улицы за порог тут же ввалился целый табор чумазных проходимцев, вооружённых бубнами, трещотками, маракасами и прочими этническими поделками. Они весело орали какую-то дикую песню, сопровождаемую дёргаными танцами. Дворецкий от неожиданности даже не попытался их остановить, да и вряд

ли бы справился с таким напором. Господин Кадаврус и мистер Роджер, словно по команде, приоткрыли рты, выражая полное недоумение, которое усугублялось тем, что во главе всего этого сборища, приплясывая и подпрыгивая, шествовал по направлению к столу альраун Саймон.

– Опля! Ай-на-нэ! – изрёк он, неожиданно остановившись посреди залы в позе уличного скомороха и немного наклонившись вперёд. Тем самым он как будто намекал, что и он сам, и его свита ждут громких оваций по поводу такого эффектного появления. Однако оваций не последовало, и притихший на мгновение уличный ансамбль вновь принялся галдеть и неистово кружиться в демоническом угаре.

– Трулю-лю-лю! Коромысло! – ревел Кот-обормот вместе с ещё пятью запевалами разных полов и возрастных категорий. Комнату заполнил запах дыма, пряностей и дешёвого алкоголя, исходящий от этих «детей природы» и их сегодняшнего запевалы Саймона. Друг попытался было вмешаться и разобраться, в чём дело, но парочка полуобнажённых девиц, весьма смахивающих на бродячих ведьмочек, окружила его и принялась очаровывать своими горячими взглядами, танцами и прикосновениями.

Преодолев препятствие в виде обескураженного дворецкого, остальные участники ночного гулянья под предводительством Кота-обормота добрались-таки до стола, за которым сидел господин Кадаврус. Какой-то испачканный сажей мальчонка в порыве радости подбежал к нему и протянул

свою грязную ручку. Этим жестом он словно бы говорил: «Что ж вы, господин Кадаврус, сидите? Присоединяйтесь к нам, поведите с нами весёлый хоровод!» Господин Кадаврус, пребывающий в полнейшем изумлении, отпрянул от добродушного мальчика как от прокажённого и чуть не упал с высокого стула.

А Саймон в эту самую минуту залез на дубовый стол, отпив попутно из кубка с красным вином и уронив на пол фарфоровую чашку с какао. Изгвазданными в зеленовато-коричневой грязи ногами он испачкал красивую багряную скатерть, на которой был вышит славный узор в виде бронзовых похоронных венков. В руках альраун держал три или четыре разноцветные палочки и явно намеревался ими жонглировать. Его восхождение на стол сопровождалось весёлыми криками и рукоплесканиями уличных бродяг. Понятное дело, сам Саймон тоже превесело гоготал и даже похрюкивал.

Мистер Роджер, как назло, сидел за столом как раз недалеко от того места, которое альраун выбрал для демонстраций своих так неожиданно чёрт знает откуда взявшихся скоморошьих задатков. Покачиваясь, он принялся подбрасывать разноцветные палочки над головой, заливаясь смехом. Мистер Роджер предпринял попытку остановить его (хоть это и далось ему нелегко), сказав довольно громко и наставительно, что вся эта вакханалия может плачевно обернуться. Увы, его взывания к разуму разгорячённого Саймона были бессмысленны, а слова заглушены трескотнёй деревянных по-

гремушек. В довершение всего одна палочка, подобршенная новоиспечённым жонглёром, упала аккурат на макушку мистера Роджеру, отчего тот вообще потерял дар речи. Однако Кота-обормота это только раззадорило.

– Эй, ромалэ! – воззвал он к своим новым друзьям и прыгнул со стола прямо в гущу пляшущих цыган.

– Джелем, джелем, лунгонэ дромэнса! – запел нестройный, но чрезвычайно громкий хор и принялся неистово колотить во всевозможные бубны и барабаны, так кстати прихваченные с собой.

Невозможно представить, чем бы закончилось всё это бесчинство, если бы на шум, в данный миг достигший своего апогея, не спустилась с верхнего этажа Агриппина, которая к этому моменту, вообще говоря, спала у себя в комнате. Она была немного глуховата, но те оголтелые крики, что производили непрощенные гости, разбудили даже её. На счастье господина Кадавруса, мистера Роджера, Драуга и, скорее всего, самого виновника этого ночного торжества альрауна Саймона, Агриппина проявила прекрасные способности по разгону подобных гуляний. За считанные минуты она обезвредила сопротивляющегося Кота-обормота, отобрав у него бубен и швырнув его в одну молодую ведьмочку, которая к тому времени почти охмурила дворецкого. Также она сумела дать пару шлепков наиболее прытким детишкам, так и норовящим что-нибудь стащить из большой залы. Короче говоря, вскоре в особняке уже не осталось никого лишнего.

Господин Кадаврус и мистер Роджер по-прежнему злое-ще молчали, словно впали в оцепенение. Агриппина отве-шивала пощёчины Драугу, а тот никак не мог прийти в себя и намеревался пойти догнать охмуравшую его ведьмочку. Сам альраун после подзатыльника от Агриппины упал на пол и тут же уснул крепким сном, блаженно улыбаясь и храпя.

Глава 3

Изгнание

Утро следующего дня началось для Саймона очень рано. После развесёлых вчерашних походов он рассчитывал проспать минимум до полудня, а ещё лучше – до вечера. Да не тут-то было.

Господин Кадаврус, когда пришёл в себя от потрясения, ночным переполохом, велел Другу – которого тоже пришлось приводить в чувства – разбудить наглеца альрауна ранним утром, силой засунуть под холодную воду, пока не очнётся совсем, а после усадить за стол, чтобы ждал, когда господин Кадаврус спустится к завтраку.

Собственно это Друг, привыкший вставать очень рано, и сделал в точности так, как сказал господин Кадаврус. Не успела Старшая Сестра скрыться в серовато-сиреневых, как синяк под глазом, тучах, Друг уже был во всеоружии и стоял перед небольшой деревянной кроватью, на которой в совершенно невообразимой позе распластался альраун. Набрал побольше воздуха, он громко крикнул в оттопыренное ухо Саймона, отчего тот немедленно проснулся и в ужасе стал продирать залипшие от сна и алкоголя глаза. Он ещё не успел протрезветь, и ему казалось, что вокруг него кружатся какие-то злобные демоны. От него разило кислятиной, потом и грязью. Дворецкий схватил Кота-обормота за шиворот

и поволок в ванную комнату. Там он долго держал голову Саймона под очень холодной водой, пресекая всякие попытки альрауна сопротивляться. Когда неприятные водные процедуры закончились, Драуг вывел его, мокрого, в освещённую несколькими свечными лампами гостиную, всё также крепко держа за шиворот. В тусклом свете альраун выглядел жалким, промокшим до нитки крысёнком, его сходство с котом в эти минуты было минимальным. Он пыхтел и, похрипывая, стонал, поскольку с таким обращением сталкивался впервые. Драуг набросил ему на голову полотенце, усадил за стол, а сам встал сзади чтобы Саймон и не думал улизнуть.

Вскоре появился господин Кадаврус, спустившись по старой скрипучей лестнице со второго этажа, где располагалась его спальня. В руках он держал чашку горячего кофе. Кадаврус вежливо поздоровался с Драугом и сел за стол напротив Саймона, который пребывал в изрядном недоумении и всё ещё вздрагивал то ли от холодной воды, то ли от похмеля.

– Саймон, ты живёшь в этом доме почти два года, – охлебнув кофе, начал господин Кадаврус свою речь, которая очевидно не сулила альрауну ничего хорошего. – Живёшь ты хорошо, прямо скажем. Ни в чём себе не отказываешь, сытно ешь, сладко спишь, и у тебя есть семья.

Саймон внимательно слушал, не позволяя себе, как это бывало обычно, перебивать. Он сидел скукожившись – не столько от внезапного освежающего душа, сколько от тона

господина Кадавруса, который был хоть и привычно учтивым, но холодным как лёд. А ещё Саймон прятал глаза, стараясь не встречаться взглядом со своим покровителем.

Господин Кадаврус тем временем продолжал:

– Ты был принят в эту семью по воле судьбы. Как человек высоких моральных устоев я не мог позволить себе пройти мимо твоей беды, сжалился и привёл к себе в дом. Потом предложил тебе жить с нами. И ты согласился. – Он грозно посмотрел на корчащегося на стуле альрауна. – Почему ты тогда согласился, Саймон? – Господин Кадаврус слегка наклонился к альрауну через стол в ожидании ответа.

Саймон осмелился наконец поднять оранжевые глаза на Кадавруса, но оцепенел ещё больше, когда прочитал во взгляде прозектора тоску и усталость.

Вместо слов у него вырвалось что-то нечленораздельное, ведь он ещё не до конца отошёл от вчерашнего, да и обстановка была напряжённой.

Однако господин Кадаврус не стал настаивать, чтобы Саймон смог сформулировать хоть сколько-нибудь внятный ответ. Посчитав, что бессовестному Саймону просто нечего сказать, он заговорил снова:

– И чем же ты отплатил мне и другим? Всем, кто заботился о тебе всё это время? Другу, Агриппине, мистеру Роджеру? Ты ни разу не сказал спасибо за то, что Агриппина готовит тебе еду. Ты ни разу не помог Другу сделать уборку в доме. Ты ни разу не спросил о моём здоровье. Вместо

этого ты дерзишь Агриппине, кривляешься перед Драугом, мешаешь работать мне, дразнишь мистера Роджера и других наших посетителей.

Саймон совсем сжался в комок, в его голове жужжало и звенело, несмотря на недавние водные процедуры. Он даже подумал, что лучше бы он вообще не просыпался.

– Ты, Саймон, – укоризненно чеканил господин Кадаврус, – потерял всякую совесть. Твоя жизнь – это сплошные развлечения, хамство и наглые выходки. Я не сильно преувеличу, если скажу, что половина города тебя ненавидит!

Саймон знал, что это правда. И боялся этого. Конечно, большинство посетителей господина Кадавруса остаются крайне недовольны Саймоном и его выходками, но в глубине души альраун надеялся, что они забывают о нём почти сразу, как покидают дом прозектора.

– Но вчера ты перешёл все допустимые границы! – повысил голос господин Кадаврус. – Ты не уважаешь ни меня, ни нашу семью, ни наши устои! А значит, тебе нечего здесь делать!

Речь прозектора, кажется, подходила к концу и приобрела совсем уж неприятный оборот для альрауна. Он жалобно посмотрел на своего покровителя, но тот и глазом не моргнул, источая праведный гнев.

– Я ставлю тебе ультиматум! – заявил он. – Пока ты не осознаешь всё, что я сейчас тебе сказал... Пока ты не на-

учишься уважать всех, кто рядом, я не пушу тебя на порог этого дома! Можешь вернуться к своим вчерашним проходимцам, с которыми ты посмел явиться сюда посреди ночи, и жить у них. Ты увидишь, что на самом деле тебе там не рады. Никто не станет терпеть твои выкрутасы, поверь мне. Тебя тут же выгонят и оттуда. Поэтому мой тебе совет – подумай над своим поведением. Хорошенько подумай. Посмотри, как живут уличные бродяги, а потом вспомни, как жил ты в этом доме. Вспомни, как жалко ты выглядел, когда я нашёл тебя. Тогда совесть, может быть, вернётся к тебе, если она вообще у тебя была, и я смогу принять тебя обратно.

С этими словами господин Кадаврус встал из-за стола и попросил Друга накормить Саймона лёгким завтраком, дать немного мелочи на всякий случай и выдворить за порог. А сам накинул свой клетчатый пиджак, взял трость и вышел из дома.

Стоит ли говорить, что уже спустя час из дома господина Кадавруса вышел и Саймон? Точнее сказать, он был насильно выставлен наружу, в промозглое кошмарное утро. Друг был на редкость исполнительным дворецким. Особенно если дело касалось наказаний для Саймона.

– Где ж мне искать эту совесть? – недоумевал альраун. Он был необразован и по природной своей глупости зацепился за оброненную господином Кадаврусом фразу про потерянную совесть, которая, конечно, была всего лишь метафорой. Решительно не понимая, что ему дальше делать, он снизу

вверх смотрел на Драуга, казавшегося ему сегодня необычайно большим и пугающим. Широкоплечий упырь-дворецкий выпроводил его за массивную чёрную дверь в виде полуарки и в ответ на глупый вопрос альрауна обронил с ехидной улыбкой:

– На бороде!

Обнажив кривой клык, он уже хотел захлопнуть дверь с серебряным молоточком в виде чьей-то печальной физиономии, но Саймон изо всех сил схватил его за руку.

– Как она хоть выглядит? – тщетно попытался выведать он хоть что-то у упыря-дворецкого.

– Зверушка такая, – глумился Драуг, – маленькая, мохнатая. И поймать её, скажу я тебе, дружок, непросто. Ну всё! Желаю удачи!

И дверь с шумом захлопнулась.

Саймон постоял ещё с минуту на пороге, да и побрёл понуриив голову куда глаза глядят. В это мгновение он наконец осознал, что с ним не шутят (до этого он надеялся на обратное). Поэтому нужно было начинать поиски.

Спустя какое-то время Саймон уселся на камень недалеко от Кривого фонтана, где прошлым вечером и началась вся эта заварушка, и тоскливо посмотрел вдаль. Мимо куда-то кто-то спешил. Всё было буднично и серо, глазу не за что

зацепиться. Табор ушёл с Кривофонтанной так же внезапно, как вчера появился, и лишь в конце площади спокойно стояли и настраивали свои жутковатые на вид инструменты Три с половиной музыканта.

Тут нужно объясниться. Это никакая не фигура речи, и музыкантов из знаменитого уличного ансамбля на самом деле было трое, а ещё была одна поющая голова. Поскольку тела у неё не было, считать её за целого человека было бы не совсем верно. Музыкантов звали Корпс, Грэйвс и Мертвельски. Корпс играл на гробобасе – инструменте чем-то похожем на альт или контрабас, правда сделанном из подгнившего гроба и черенка от лопаты, которым, надо думать, этот старый гроб откапывали. Мертвельски был барабанщиком, а Грэйвс играл на странном инструменте собственного изготовления. На нём было несколько рояльных струн, что-то вроде клавиш, а также изогнутый медный горн, в который можно дудеть. Голову звали Смитти – он выступал автором и исполнителем всех песен и пьес квартета⁴.

Этот причудливый городской ансамбль постоянно даёт концерты то тут, то там. Они обязательно аккомпанируют на площади во время праздников и фестивалей, выступают в некоторых барах и нередко присутствуют на похоронах. Ис-

⁴ Здесь мы сталкиваемся с некоторыми затруднениями, вызванными особенностями языка. Голова – существительное женского рода. Но Смитти – голова мужчины. Так в каком же роде верно говорить о Смитти? Вот любопытный вопрос для любителей всяких заковыристых задачек. Мы же позволим себе употреблять оба рода в зависимости от ситуации.

полняемые ими мелодии, хотя и бывают весьма ритмичными, всё же непременно отдают чем-то загробным. Правда, в Кошмариусе наиболее естественной является именно такая музыка. А стихи песен, которые сочиняет Смитти, вполне могли бы украшать надгробные камни на Великом Погосте – настолько они наполнены трагизмом и замогильной лирикой.

Впрочем, Три с половиной музыканта не часто балуют слушателей новыми произведениями. Ведь в первую очередь они инструментальный ансамбль. Нередко музыканты остаются на продолжительное время втроём, так как Смитти имеет привычку внезапно брать творческий отпуск, чтобы в своё удовольствие покататься по Кошмариусу и остальной Двулунии в поисках новых источников вдохновения. Когда же Смитти возвращается, у ансамбля чаще всего наступают многочисленные репетиции нового репертуара, который насочиняла голова, пока каталась где-то по Гниющему лесу, Вопящим топям, около Разрушенного замка или ещё в каком-нибудь страшном и печальном месте. Смитти – настоящий кладёз идей, коих у него в запасе после путешествий целый ворох. Можно только позавидовать неиссякаемому потоку творческой энергии, которым обладает эта лохматая голова. Вот только в конечном счёте ансамбль выбирает из всего этого изобилия две-три новые композиции, а остальное приходится откладывать до лучших времён.

Завидев музыкантов, Саймон после некоторых раздумий

решил попытать счастья в очередной раз (он уже сбился со счёта, к скольким прохожим подходил сегодня с одним и тем же вопросом, но вразумительного ответа так и не получил). Прежде альраун не встречался с ними, но кое-что слышал об ансамбле от посетителей господина Кадавруса. И конечно, когда он сидел на крыше или у окна в доме прозектора, до него часто доносились звуки их траурно-танцевальных мелодий с соседних улиц или с Кривофонтанной площади. Три с половиной музыканта и подавно не подозревали, что Саймон вообще существует на свете, так как в доме господина Кадавруса им бывать не приходилось.

– Кхм, – прокашлялся альраун, пытаясь привлечь к себе внимание. Однако реакции никакой не последовало.

Да и как могло быть иначе? Всем известно, что музыканты – люди творческие. С тонкой душевной организацией или без всякой организации вовсе. Творческий человек забывает обо всём на свете, когда занимается любимым делом. Музыканты Кошмариуса не были исключением. Корпус крутил колки, поочерёдно дёргая за три толстые, похожие на длиннющих могильных червей струны на своём гробобасе. С гроба, который служил инструменту корпусом, всё время сыпалась земля. Откуда она бралась в таком количестве, никому не известно, но после каждого концерта Корпусу приходилось изрядно поработать метлой (он постоянно носил её с собой). Струны гробобаса звучали низко, как им и положено, но Корпусу всё равно что-то не нравилось, и он бормотал

себе под нос какие-то ругательства.

Мертвельски уже расставил вокруг себя самопальные барабаны, тарелки, звенелки и какие-то грязные котелки с кастрюльками и, вооружившись двумя длинными вороньими косточками, заточенными с одного конца, начал в хаотичном порядке стучать ими по всему, что было.

Грэйвс тоже настроил свой чудной инструмент и сейчас о чём-то беседовал со Смитти. Саймон решил подойти именно к ним двоим.

– Э, привет, ребята! – не очень уверенно поздоровался он с музыкантами.

Грэйвс повернулся к нему, а Смитти разодрал опухшие глаза (результат длительных бессонных ночей), чтобы лучше рассмотреть, кто это к ним обращается.

– Здорово, приятель! – поприветствовал альрауна вдохновитель ансамбля, а Грэйвс просто кивнул. – Тебе чего? Хочешь к нам в группу? На чём играешь? Нам нужен скрипач. Хотим порадовать кошмаритян мелодичной сюитой!

Саймон, конечно же, не играл на скрипке, да и, надо сказать, лишь в общих чертах представлял себе, как она выглядит, а слова вроде «сюита» ему были и вовсе незнакомы. Поэтому он решил сразу перейти к делу, чтобы не попасть впросяк и не вовлечься в какой-нибудь ненужный разговор.

– Я, собственно, не по этому поводу. Я совесть ищу. Вы не знаете, где она может прятаться?

Глупый Саймон не отдавал себе отчёта, как его вопрос

звучит со стороны. Он действительно верил, что совесть – это некое существо или, на худой конец, вещьца.

Грэйвс и Смитти переглянулись. Тут уже к ним подошли и двое других участника ансамбля.

– Парень, ты что употребляешь? – осведомился Мертвельски.

– Да ничего особенного. Ну, выпиваю иногда, – признался Саймон и понял, что в ненужный разговор он всё-таки вляпался. – Но какое это имеет значение?

– Вчера пил? – спросил Корпс.

– Пил.

– Много?

– Много...

– Похмелялся?

– Нет.

– Тогда давай сходим в паб, возьмём тебе эля.

Саймон прикинул, что идея хмурого гробобасиста не лишена привлекательности, но всё же решил отказаться, на что Корпс, смерив его недоверчивым взглядом, сказал:

– Молодой ещё. Глупый. Вот печень посадишь, будешь тогда на бульоне сидеть с сухарями, – и снова направился к своему жутковатому инструменту.

Другие музыканты тоже, видимо, не очень хотели тратить время на альрауна с его глупостями, и Саймон это мгновенно почувствовал. Поэтому он жалобно повторил:

– Пожалуйста, скажите, если знаете, где можно найти со-

весть? Не бросайте в беде!

Смитти, Грэйвс и Мертвельски, очевидно, сочли Саймона немного не в своём уме, но, так как музыканты народ весёлый, решили ему подыграть.

– Свою я нашёл однажды на Великом Погосте, – начал плести небылицу Мертвельски, и Смитти с Грэйвсом закатили глаза, показывая, что сыты по горло его рассказными. Саймон, напротив, принялся внимательно слушать, отчего его неровные и погрызенные уши немного подались вперёд. Он не знал, что Мертвельски большой любитель придумывать всякие дурацкие истории, большинство из которых, скорее всего, были плодом его воображения и не случались никогда.

– Дали мы в ту пору концерт на Кривофонтанной, а после разошлись отдохнуть кто куда на несколько дней. Ну Грэйвс, понятное дело, поехал навестить свою мадемуазель. Правда, Грэйвс? – и он игриво пихнул плечом засмущавшегося товарища. – Смитти, как обычно, укатился чёрт знает куда, а Корпс заперся у себя в коморке. Что до меня, то я пошёл в таверну к старине Джо.

Саймон слушал и запоминал, так как полагал, что это поможет ему в его поисках, а Мертвельски продолжал распинаться:

– Ну, сразу после концерта я выпил-то немного. Литра три эля, наверное. Может, ещё несколько шотов. Потом снял комнатку в подвале и продрых до следующего вечера. Тут в

таверне затеяли разыграть партию в «Дюжины» – карточную игру, правила которой я немного знал (Драуг иногда играл в нее с Агриппиной). Ну и я как человек азартный и рискованный присоединился.

Надо заметить, что Мертвельски рассказывал историю с большим упоением и выражением, будто она приключилась с ним на самом деле. А впрочем, может быть, она и впрямь была не выдумкой. Подобных историй остальные музыканты слышали от него уже не один десяток, поскольку воображение у Мертвельски было хоть и богатым, но весьма однообразным. И всё же надо признать, что с таким разгильдяем, каким был этот разнузданный барабанщик уличного ансамбля, что-то подобное и вправду случается.

– Конечно, не обошлось без выпивки. Я же не сажусь играть, пока не пригублю хотя бы стаканчик.

Тут Грэйвс и Смитти одобрительно забубнили, подтверждая его слова.

– Ну так вот, – продолжал барабанщик. – Взял я себе за стол две бутылки креплёного вина. Сели. Я стаканчик опрокинул. Играли вчетвером. Большую партию. По триста двадцать скинулись. И понимаете, какая штука: не прёт! Одни десятки лезут и лезут. При этом ни одного туза! По одной-две дюжины собираю максимум. Как студентик вшивый. А парень напротив, не помню кто такой, раз за разом по десять-двенадцать очков набирает. Ну, думаю, дело дрянь. Тут выпадают мне король и дама на раздаче и ещё шушера

какая-то типа тройки бубновой. Я на радостях почти залпом бутылку оприходую и жду валета. Даму и короля держу в руке, а всё, что приходит, сбрасываю и отдаю соседу. Раздача подходит к концу, а валета всё нет! И тут я с ужасом обнаруживаю, что каким-то макаром у меня в руке вместо дамы и короля девятка с семёркой, да ещё и тройка эта бубновая снова ко мне вернулась! А самое главное – я понимаю, что парень напротив уже выиграл. Короче говоря, я к тому моменту уже изрядно захмелел. Решил напоследок подраться. Ну и получил по рёбрам – парень-то сильный оказался. Разбил несколько тарелок, сломал стул. Уж свинячил я направо и налево. Джо меня вывел на улицу и пнул под зад. Я, конечно, выругался тогда на него, но он прав был. Я ведь сам баламут. Ну, что думаете? – обратился наконец Мертвельски к своим слушателям.

– Я думаю, что ты позоришь нас всех, Мертвельски! – хрипло заметил вновь подошедший Корпс. Из всех музыкантов он был самым угрюмым, нелюдимым и никогда не улыбался. Полная противоположность весельчаку барабанщику. – И себя когда-нибудь доведёшь своими пьянками до могилы, – закончил он.

– А ты, Корпс, мёртвая горгулья! Нет в тебе искорки! Смотрите-ка, какой трезвенник нашёлся! У самого в чехле, поди, пол-литра виски припрятано! – парировал Мертвельски.

Саймон с надеждой спросил:

– Так а как же ты тогда совесть нашёл?

– Когда? – не понял Мертвельски, который начисто забыл, с чего начинался разговор и по какой причине он сочинил свою побасёнку.

– Ну тогда, когда ты в таверне подрался. Ты ведь сказал, что она была на Великом Погосте, – напомнил Саймон, который всё ещё не понял, что его разыгрывают.

– Ах да... – неуверенно протянул Мертвельски, но тут же спохватился и с ходу сочинил окончание своей истории. – Дело было так, дружище, – улыбнулся он, отворачиваясь от презрительного и осуждающего взгляда Корпса. – Тогда я ещё выпил, упал в сточную канаву и каким-то чудом дополз до Погоста. После всего я мертвецки устал и заснул прямо там, на чьей-то могиле.

Глаза Саймона округлились и стали похожи на чайные блюдца. Неожиданный поворот ему совсем не понравился. Все прекрасно знают, что ночью Великий Погост для живых не место. А Мертвельски как ни в чём не бывало продолжал:

– На утро просыпаюсь, гляжу, а возле меня женщина с дочкой стоят. Я понимаю, что они пришли сюда не на мою пьяную рожу смотреть, а навестить кого-то из усопших. А тут я, грязный, вонючий, с перегаром, развалился на чужой могиле. И как меня ещё не закопали-то эти жуткие ребята, которые Погост стерегут?

– Вот закопали бы тебя –чёрта с два бы ты обратно вылез, – подал голос Грэйвс, до этого молчавший.

– И мы бы тебя не спасли – сгнил бы ты там, к гадалке не

ходи, – добавил Смитти.

– Ну, спасибо на добром слове, друзья, – ехидно произнёс Мертвельски и, положив свою грязную руку на плечо Саймону, закончил: – Вот тогда-то я и нашёл совесть, дружище! Когда увидел эту грустную девочку.

– Дурак ты, Мертвельски, – сказал Смитти и позвал всех репетировать.

Музыканты помахали на прощание Саймону и разошлись к своим инструментам. Тут же они заиграли какую-то меланхоличную мелодию и напрочь забыли про разговор с альрауном.

Что с них взять? Три с половиной музыканта себе на уме. Им нет дела до горестей незнакомого альрауна или кого бы то ни было ещё. Разве только чья-то трагичная история может стать источником вдохновения для их новой пьесы или мелодии. На счастье жителей Кошмариуса, истории барабанщика Мертвельски никогда не становились таким источником.

На Саймона, однако, эта на ходу выдуманная байка произвела глубочайшее впечатление. Бедолага не только принял её за правду, но и разглядел в ней прямое указание к дальнейшим действиям.

Он не мог не заметить, насколько история барабанщика похожа на недавнюю историю, приключившуюся с ним самим и послужившую причиной его нынешнего незавидного положения. Потому-то он глубоко уверовал, что эта небыли-

да может стать его спасением. Саймон твёрдо решил, что сегодня вечером наведается в таверну «У старины Джо», сыграет партию в «Дюжины», а также попробует переночевать на Великом Погосте, чтобы наутро, подобно Мертвельски, обнаружить совесть.

План показался ему довольно простым и ясным. Наконец-то настроение его несколько улучшилось. Он даже купил сосиску в слоёном тесте на ярмарке неподалёку от Кривофонтанной площади и с удовольствием её съел. После этого он решил пару часиков передохнуть под большим ветвистым дубом, в тенике которого он смог бы даже вздремнуть и досмотреть прерванный с утра Драугом сон, а потом уж взять курс на таверну.

Глава 4

Необычный вечер

Проснувшись, Саймон долго приходил в себя от сна. Глаза поочерёдно закрывались, худое тельце занемело. Всё-таки он отвык от жизни вне уютного особняка господина Кадавруса, а кроме того, он то и дело зевал.

Вокруг уже стемнело. Младшая Сестра ушла за тучи, оставив небосклон в полном распоряжении Старшей Сестры. Та хоть и больше, но свет от неё тусклый, бледный и не очень-то помогает в переулках, до которых фонарщики ещё не добрались. Хорошо хоть, что Саймон удосужился прилечь под ветвистым деревом неподалёку от Кривофонтанной площади. Здесь фонари горели уже вовсю.

Как и всё в Кошмариусе, уличные фонари представляют собой нечто странное и порой даже пугающее, но вместе с тем очень уютное. От места к месту уличное освещение очень разнится. На Кривофонтанной площади фонарями служат разномастные длинные столбики, изогнутые то так, то этак. Сверху на них намотана особая бумага, которую местный фонарщик Лис, сгорбленный старик с перебинтованной головой и торчащими в разные стороны седыми волосами⁵, пропитывает пахнущей смолой, а после зажигает.

⁵ Говорят, что Лис долгое время был заключённым в темницах Разрушенного

Они стоят здесь повсюду, освещая окрестности зеленоватым светом.

Саймон сидел под деревом и ловил себя на мысли, что благодарен этому нелюдимому фонарщику Лису, который появляется только под вечер, чтобы зажечь фонари. Раньше альраун таких мыслей себе не позволял. В прежние времена Саймон вообще не думал, что можно быть кому-то за что-то благодарным (разве что господину Кадаврусу). Тем более за такую мелочь, как кривой уличный фонарь.

Сделав над собой колоссальное усилие, Саймон поднялся на ноги. Его небольшой хвостик выглядел довольно жалко при свете фонаря и Старшей Сестры. Сейчас он напоминал скорее растрёпанную старую мочалку, нежели хвост уважающего себя альрауна. Однако Саймону было не до этого. Он снова и снова вспоминал рассказ шутника Мертвельски. Почему-то эта байка глубоко запала Саймону в душу. Протерев свои большие жёлтые глаза, он уставился на деревянные указатели, понатыканные тут же, около площади.

«13-я улица» – прочитал он и сразу же с надеждой глянул в ту сторону, куда указывала накренившаяся деревянная

замка. Там он подвергался жестоким пыткам, отчего совершенно обезумел. настолько сильно, что его глаза стали сверкать как шаровые молнии. Если кто-то взглянет в них, то непременно сойдёт с ума или даже умрёт от внезапного сердечного приступа. Поэтому Лис влачит жалкое существование в какой-то скромной лачуге и никого к себе не подпускает. Тем не менее каждый вечер он исправно зажигает фонари на Кривофонтанной площади и соседних улочках. Остаётся загадкой, как он получил эту работу, поскольку, если верить слухам, со времён побега из замка и возвращения в Кошмариус он ни разу ни с кем не заговорил.

табличка. Надежды его не оправдались. Дом господина Кадавруса, находящийся по адресу 13-я улица, 31, уже спал. Свет не горел даже в гостиной. Сердце Саймона сжалось, и ещё одно новое чувство, прежде ему неизвестное, посетило его. Саймон почувствовал тепло, которое испытывают обычно, когда после долгого отсутствия возвращаются домой. Вот только чувство это сразу же ушло. Альраун не мог вернуться.

«Переулок Уныния» – прочитал Саймон следующую табличку, пытаясь взять себя в руки и не думать о тёплом камине. Этот переулок полностью оправдывал своё название. Несмотря на то что находился он очень близко к центру города, делать там было абсолютно нечего. Здесь жили какие-то скучные люди, которых Саймон не знал. Тут не было ни любопытных лавчонок, ни шумных гуляк, ни весёлых криков, доносящихся из пабов. Ровным счётом ничего из того, что так любят все нормальные жители Кошмариуса.

Саймон на секунду задумался. Это тоже было ему, вообще-то, не свойственно. Обычно он не обременял себя лирикой и философией, а старался действовать сразу без оглядки. Но сегодня вечером это был уже совершенно другой Саймон. Сентиментальный и слишком уж вдумчивый. Его мысли плясали в голове как те треклятые цыгане, с которыми он совсем недавно ворвался в дом господина Кадавруса. Ох уж эти цыгане! Будь они неладны со своими песнями и дешёвым портвейном! По их милости он теперь стоит у деревянных табличек, пытаясь понять, где находится таверна «У

старинны Джо», вместо того чтобы сладко сопеть на чердаке у Кадавруса и видеть яркие сны.

«Кажется, Мертвельски говорил что-то про кладбище, – вспоминал Саймон, в который раз прокручивая в мыслях историю барабанщика, – Хм... Великий Погост, кажется, находится где-то по левую сторону от дома господина Кадавруса. Значит, сейчас нужно идти направо, немного по диагонали».

Развернувшись в нужном направлении, Саймон побрёл мимо косых домиков в сторону Великого Погоста. На улицах было тихо и страшно. «В ночное время не выходи из дому без надобности», – вспоминал он расхожие разговоры и слухи о призраках, поджидающих в тёмных переулках. Саймон никогда не слушал их внимательно. Поэтому он и не знал, про каких именно призраков говорили. Хотя с несколькими из них он уже встречался – к господину Кадаврусу порой заходили очень необычные субъекты. Впрочем, в случае с призраками правильнее было бы сказать «заплывали». Но они были не страшные. Грустные и немногословные, они, как и прочие, пока ещё живые, гости прозектора, жаловались ему на что-то и делились своими переживаниями. Тот их успокаивал и обещал помочь. Чего, спрашивается, их бояться? Ну выплывет такой по воздуху из стены... Конечно, это будет неожиданно. Может быть, даже неприятно. Но этот грустный призрак и сам будет рад не больше, наткнувшись на тебя. Нет, таких точно не стоит опасаться. Может, вообще всё это враки и нет ничего страшного?

Утешая себя подобным образом, Саймон доплёлся до какого-то незнакомого дома. Подняв свой взгляд с мощённой неровным булыжником тропинки, альраун обнаружил, что оказался в неизвестном ему месте.

«До сих пор я здесь ни разу не был», – оглядевшись по сторонам, печально заключил Саймон. И тут же, сжавшись от страха, который моментально заполнил мерзким холодочком всё его нутро, начал снова боязливо оглядываться по сторонам.

Дом, выросший перед ним, был ничем не примечательным для Кошмариуса. Два этажа. Непонятная конструкция. Неровные углы. Изогнутый, как и все постройки в этом городе. Дверь старая с медным колокольцем, изображающим плачущую девушку. Вокруг дома – другие дома. Поменьше и пониже. Среди них этот был самый большой. Вниз по улице ничего не видно из-за образовавшегося тумана.

«Не тот ли это туман, в который опасно заходить, а то потеряешься?» – подумал трусливо альраун, и холодок внутри него стал ещё пакостнее.

Когда страх окутывает изнутри, постепенно, не торопясь, как сейчас происходило с Саймоном, тогда нужно звать на помощь. Самому не справиться. Учитывая ситуацию, в которой оказался бедолага-альраун, звать на помощь было некого, да и не очень-то безопасно. Мало ли кто там может быть, в этом тумане. Единственный выход – позвонить в колокольчик с плачущей девой. Может быть, хозяин дома поможет?

Звук колокольца был под стать изображённой на нем девушке – высокий и плачущий. Саймон дёрнул за колокольчик несколько раз и немного отошёл от двери.

Сначала ничего не происходило.

Потом на первом этаже зажёгся тускловатый свет лампы. А в следующую секунду дверь со скрипом отворилась.

Хозяином оказался высокий юноша с печальными глазами. До того бледный, что казалось, будто он прозрачный.

«Уж не призрак ли?» – снова в страхе подумал альраун и ещё немного отступил.

– Да... – тусклым тихим голосом протянул юноша, глядя на Саймона серыми как асфальт глазами без единой искорки.

– Я... Добрый вечер... – нерешительно промямлил альраун.

– Что вам угодно? – едва слышно спросил молодой человек.

– Я плутал... ищу трак... первый раз зд... – пытался сказать что-то более-менее внятное Саймон, но язык заплетался.

– Простите, я не понимаю, – всё так же монотонно молвил бледный хозяин двухэтажного особняка.

– Я... я... заблудился! – наконец истерично воскликнул фальцетом Саймон.

Юноша немного поёжился. Он был в домашнем халате. Или даже скорее в мантии. Иссиня-чёрной, до пола. Она была бы красивой, если бы не подозрительные пятна на рука-

вах. Саймон был готов поклясться, что это кровь. От этой мысли у него закружилась голова. От страха он едва мог пошевелиться.

– Вы куда-то шли? – спросил юноша без особо интереса.

– Нет... То есть да... Но задумался и заблудился, – скороговоркой пробубнил Саймон, опуская глаза в пол, но невольно поглядывая на пятна на рукавах мантии незнакомца.

Заметив это, молодой человек поспешно убрал руки за спину.

– Вам что-то нужно от меня? – снова спросил он альрауна.

– Если бы вы показали мне дорогу... – еле слышно сказал Саймон, понимая, что лучше поспешить оставить этот дом с плачущем колокольчиком и его бледным хозяином.

– Если вам на кладбище, то это туда, – махнул рукавом мантии в сторону тумана юноша.

– Да! Да, мне туда! – выпалил перепуганный альраун, отходя от порога и изо всех сил сдерживаясь, чтобы не побежать прочь без оглядки. – Да! Спасибо! Всего вам наилучшего!

Юноша продолжал смотреть на Саймона. В глазах его по-прежнему ничего не отражалось. Совершенно никаких чувств или эмоций, кроме всепоглощающей печали. Наконец он шагнул обратно в дом, не убирая рук из-за спины. И дверь сама собой закрылась. Колокольчик от этого ещё раз жалобно звякнул. А мгновение спустя погас мерцающий свет на первом этаже, и дом снова замер, как и прежде.

Саймон же в самом деле побежал навстречу туману. Таинственный незнакомец помог ему преодолеть тонкую грань между сковывающим страхом, который не даёт ни пошевелиться, ни что-либо предпринять, и ужасом, побуждающим собрать оставшуюся волю в кулак, чтобы убегать изо всех сил.

Во всю прыть он нёсся вниз по улице, начисто позабыв о страшных историях, в которых люди, попав в туман, пропадали и никогда из него не возвращались. Кривые тени домов всплывали на всём его пути, но Саймон уже не пытался понять, где он. Туман становился всё менее густым. Очертания домов – всё более чёткими. Наконец Саймон ворвался на улочку, где – о чудо! – стоял один из фонарей, освещающий небольшое пространство вокруг себя голубоватым газовым светом.

На радостях Саймон не заметил прохожего, дородного господина в помятом сюртуке. С разбегу альраун влетел в него и, наверное, сшиб бы с ног и сам бы упал, не окажись этот гражданин коренастым и стойким, к тому же в два раза больше самого Саймона.

– Эка ты несёшься, парень! – хохотнул он и отпустил Саймона, врезавшегося в него.

Альраун бешено завращал глазами, блуждая ими туда-сюда и пытаясь хоть что-нибудь разглядеть после столкновения.

Дородного господина всё это изрядно развеселило. Он по-

ложил свою массивную руку на худенькие плечи трясущегося Саймона и пророкотал:

– Ты чего так напугался? Пойдём-ка пропустим по кружечке медового эля к старине Джо!

Не понимая, что происходит, Саймон не сопротивлялся – да он, в общем-то, и не смог бы! – и двинулся в ближайший дом.

Постепенно придя в себя, он наконец услышал, что на улице, несмотря на поздний час, довольно шумно. Из домика, в который его тащил смеющийся гражданин, доносились весёлый смех и громогласные вопли. В воздухе пахло жареными колбасками и чесноком. От самого толстяка разило элем, но самое главное – Саймон понял, что каким-то чудом он остался жив. Больше того, он оказался в том самом месте, куда так стремился попасть!

«У старины Джо» – было написано большими ровными буквами на старой деревянной табличке.

«Таверна» – следовала надпись ниже, буквами менее ровными и гораздо более мелкими.

«Заходи, прохожий, без лишних раздумий. У нас всегда свежий эль!» – это было приписано ещё ниже совсем уж скверным почерком, кривым и скачущим.

Были на табличке ещё какие-то надписи, но Саймон их не разобрал.

– От кого убегал, парень? – дружелюбно осведомился дородный гражданин в мятом сюртуке.

– От страха и от тумана, – ответил альраун, переводя дыхание.

– К чёрту всё! Забудь и отдыхай! – посоветовал новый знакомый.

– А я как раз сюда шёл! – сказал Саймон и, подумав, уточнил: – Нет, скорее нёсся как проклятый!

– Это точно, – согласился дородный господин, – Будь я потоньше, вроде тебя, расшиблись бы насмерть оба! Спасибо элю, что не дал мне умереть! – С этими словами он стал весело хлопать себя по животу, которым, судя по всему, очень гордился.

Впервые за прошедший день Саймон позволил себе улыбнуться.

В таверне было душно. Посетителей было немного, и все они, сосредоточившись вокруг трёх сдвинутых массивных столов из чёрного дерева, играли в карты. То и дело раздавались те самые радостные вопли победителей и чертыхания проигравших, что слышны были даже с улицы. На кону стояли деньги. Весёлый толстяк, который завёл Саймона в таверну, уже и сам принимал активнейшее участие в игре. Альраун же опустился за соседний столик поменьше и смотрел на игроков.

– У тебя до большой партии две обычные дюжины! – кри-

чал какой-то смуглый верзила, обращаясь к тонкому человеку в камзоле. – Смотри не набери лишнего!

Тонкий в камзоле был спокоен. Очевидно, он не сомневался в своей победе.

– Не учи учёного, – сухо бросил он верзиле под одобрительные возгласы того самого толстяка, который, очевидно, был его закадычным приятелем и с интересом следил за ситуацией на столе, попивая эль из огромного двухпинтового стакана.

«Такой кружечкой можно запросто и пришибить», – подумал Саймон.

Игроки не обращали на него совершенно никакого внимания. Сам старина Джо разливал эль у барной стойки в углу таверны. Ему Саймон был также не особо интересен. Зато девушка на самодельных роликах, похожих на древние утюги с колёсами, то и дело внимательно посматривала на него одним глазом из-под круглого монокля. Второй глаз у неё был закрыт длинной чёлкой. Волосы её были какого-то неестественного грязно-сиреневого оттенка. Девушка была ни высокой, ни маленькой и, по меркам Саймона, вполне симпатичной. Конечно, он плохо понимал в людской красоте, но тут его мнение разделяли и игроки за столом. Они постоянно подшучивали и заигрывали с юркой официанткой на странных роликах, но руки не распускали. Хотя фигура у неё была просто загляденье.

– Тебе что подать, котейка? – Сиреневоволосая офици-

антка неожиданно оказалась у столика альрауна.

– Я не котейка, – насупился Саймон, – Я альраун!

– Ну ты не раскисай, полосатый, – улыбнулась она ему, – Принести тебе эля?

– Денег нет, – буркнул Саймон.

– За счёт заведения, – щедро предложила официантка и укатила к стойке, где стоял Джо.

Через несколько минут девушка подкатила снова с кружкой тёмного эля и сухой рыбкой. Саймон благодарно принял свой ужин и улыбнулся ей.

– Ты зачем пришёл-то? – спросила она, катаясь вокруг него и протирая куском серой ткани столики вокруг.

– Сам не знаю. Совесть ищу! – признался альраун, отчего девушка не сдержалась и захихикала. – Что смешного? – снова нахмурился Саймон. Он никак не мог взять в толк, почему все смеются ему в лицо, когда он говорит про совесть.

– Дружок, какую совесть? Ты сидишь в баре посреди ночи и пьёшь эль! А тебя дома, наверное, ждут.

– Нет у меня теперь дома, – грустно промолвил альраун, но девушку это почему-то не смутило.

– Так и скажи, что переночевать негде, – игриво подмигнула она из-под монокля и окликнула бармена: – Эй, Джо, примем котейку?

Щетинистый бармен наконец оторвался от кружек и кранчиков, чтобы посмотреть на Саймона.

– На кой нам говорящий кот? – гаркнул он басом.

– Он утверждает, что он альраун, – уточнила девушка.

Саймон не знал, что сделать или сказать. Ему было неловко. Игроки, закончившие партию, теперь тоже взирали на него. Кто с интересом, кто исподлобья.

– Не люблю я альраунов! – вдруг резко крикнул один из них, совсем юный усач.

– Эй, полосатый, – окликнул Саймона другой, косматый мужчина неопределённого возраста. – Тебе чего тут надобно?

– Так, ребята, не буяним, – прогрохотал тот толстяк, в которого Саймон врезался на улице. – Это я его привёл! Всё нормально. Парню не нужны проблемы. Он отдохнуть хочет.

Косматый и тот другой, который высказался не в пользу альраунов, не стали спорить. Девушка по-прежнему стояла возле Саймона, и ему казалось, что пока она на его стороне, ничего плохого не произойдёт.

Джо оценивающе поглядел на него, поставил кружку на стойку – до этого он вертел её в руках, протирая то внутри, то снаружи, – и сухо заключил, что Саймон может остаться на ночь, если хочет.

– Мне нужна помощь! – неожиданно для самого себя воскликнул Саймон, обращаясь ко всем сразу. – Помогите мне найти совесть!

Реакцию окружающих едва можно передать словами: такого раскатистого хохота старенькая таверна не слышала уже несколько лет. Словно гром раздался посреди тихого спокой-

ного неба. Продолжительный рокочущий гром.

Волшебным образом обстановка, совсем недавно несколько напряжённая, вошла в какое-то сверхвесёлое русло. Эль вновь полился рекой. Саймона усадили за сдвинутые столы из чёрного дерева. Игроки решили ещё раз «метнуть банчишко» – меткое выражение всё того же толстого господина в мятом сюртуке. Девчушка носилась на утюгах-роликах от стойки к столам и обратно, забирая пустые кружки и привозя обратно доверху наполненные. Косматый мужчина оказался милейшим рассказчиком неприличных анекдотов, к тому же оборотнем. А усатый юноша, не любивший альраунов, был мелким торговцем с ярмарки на Кривофонтанной площади – весьма безобидным, как понял Саймон, когда опорожнял третью пинту тёмного эля. Верзила по имени Меткий Билли был охотником. Как и тонкий человек в камзоле. Того звали Стэнли Молчаливый. Билли травил байки про охоту, Стэнли лишь изредка вставлял несколько метких фраз в его рассказы – впрочем, они были всегда к месту. Смех не прекращался. Вскоре Саймон начал понимать, что эль и усталость, а также пережитый страх дают о себе знать. На одном из рассказов Билли, где-то между подробностями о том, как именно у него заклинило ружьё, когда они ходили на свирепого Сохача⁶, и как Стэнли не растерялся и кинул

⁶ Далёкие от охотничьих будней, жители Кошмариуса обычно считают, что Сохач – это очень свирепый плотоядный зверь. Нечто вроде сухожилистого лося с четырьмя рогами, кроваво-красными глазами и острыми клыками. Чтобы поймать такого зверя, нужны недюжинная отвага, сноровка и немалое везение. Во

в этого зверя невесть откуда взявшееся в их охотничьей тележке копьё, правда не попал, Саймон и уснул.

Увы, окончания уморительного рассказа он уже не узнает, ибо такие подробности можно услышать лишь раз, посреди ночи в старенькой таверне, когда вокруг много эля и весёлых игроков в карты.

многим эти и подобные домыслы лежат на совести охотников, которые очень любят приукрасить действительность. На самом деле Сохач – это рогатый заяц, который больше всего на свете не хотел бы встречаться с охотниками и боится их как огня. Но если бы господа Меткий Билли и Стэнли Молчаливый рассказывали в таверне истории про то, что они два дня выслеживали не кровожадного монстра, а всего лишь зайца, пусть и с рогами, никто бы и слушать не стал. Уж не говоря о том, чтобы подливать им эля, не требуя взамен никакой платы, а лишь желая, чтобы их весёлые охотничьи истории не заканчивались.

Глава 5

Великий Погост

Разбудили альрауна звуки, раздающиеся совсем неподалёку от него. Осмотревшись, Саймон понял, что, вопреки обещаниям Джо и миловидной официантки, его не оставили ночевать в таверне. Вместо удобной кровати под ним оказалась поваленная надгробная плита из серого камня. Старая, принадлежащая неизвестно кому. Читать Саймон умел, но надпись на плите была на непонятном ему старинном языке. Не было никаких сомнений – альраун очутился на старом кладбище, которое носило название Великий Погост.

Звуки, разбудившие его, издавали старые лопаты – несколько человек в длинных бесформенных одеждах копали очередную могилу.

Саймона передёрнуло. Он знал, что это Могильщики – зловещие сторожа кладбища, которые свирепеют с наступлением темноты. Про них ходило немало легенд. Говорили, что они, будучи почти единственными жителями Погоста, не любят посторонних. Если ты по какой-то несчастливой случайности окажешься среди ночи на кладбище и зазеваешься, то Могильщики могут закопать тебя, и потом уже выбраться будет невозможно. Говорили также, что они являются порождениями самого Великого Погоста, поэтому их никто никогда не видел за его пределами. Жители Кошмариуса боя-

лись их и старались держаться от них подальше.

Альраун попытался сползти под могильный камень, на котором он оказался, чтобы ненароком не привлечь внимания Могильщиков. Согнувшись в три погибели он неуверенно, но целенаправленно сползал с надгробия. Могильщики продолжали копать. Рыхлая серовато-коричневая земля летела во все стороны. Полностью увлечённые своим скорбным ремеслом, Могильщики даже не смотрели в сторону Саймона. А он уже наполовину сполз под накренившийся камень.

Наконец ему удалось целиком оказаться за надгробием. Саймон взял минуту, чтобы перевести дух и успокоиться. При этом он пытался одним глазком следить за происходящим у Могильщиков. Те, кажется, заканчивали. По крайней мере, стук лопат стих. Саймон высунул из-за плиты заспанную мордашку, чтобы получше оценить ситуацию, но Могильщиков не увидел. Только яму и несколько лопат, воткнутых в землю или валяющихся рядом. Разумеется, если не считать других могил, которые его не интересовали. Дальнейшее нахождение в такой опасной близости к свежей могиле, которую к тому же выкопали непонятно для кого (похоронных процессий на кладбище не наблюдалось), не предвещало альрауну ничего хорошего. Поэтому альраун пополз на животе вдоль ближайшего ряда могил и склепов, как можно ближе прижимаясь к земле, чтобы не распороть себе брюхо о всякие камни да зазубрины. Перебирая передними и задними лапами и то и дело вертя головой, дабы не упустить из

виду то место, где были Могильщики, Саймон словно крот-землекоп бороздил Великий Погост. Никакого конкретного маршрута у него, конечно же, не было. Он просто пытался убраться подальше от перевернутой плиты, на которой его угораздило проснуться.

Тем временем наступало утро. Рассветом в стране Двулуния считался тот момент, когда на небе на короткий срок встречались обе Луны. Младшая Сестра не торопясь показывалась из-за большой пухлой тучи, выходя навстречу Старшей Сестре, которая хозяйничала на небе всю ночь. От этого небо озарялось желтоватым или оранжевым светом, а тучи на этом фоне походили на дремлющих перепачканных овец. Одним словом, красота! Но Саймон и в более спокойные для себя времена был чужд созерцанию природы. Что уж говорить про сейчас, когда ему могла грозить смертельная опасность! На Погосте становилось всё светлее. Саймон всё дальше удалялся от свежей могилы. Он начал уставать, а кладбище и не думало заканчиваться.

В голове у альрауна всё смешалось. Последние два дня выдались слишком насыщенными нежелательными и весьма рискованными событиями. Вот и теперь он мог попасть в затруднительную ситуацию, если вдруг кто-то из Могильщиков увидит или услышит, как он ползком пробирается вдоль захоронений. Пока Саймон полз по холодной земле и колючей траве, растущей повсеместно на Великом Погосте, он несколько раз зарёкся пить эль, вино и вообще всё, что

крепче простокваши. Также он твёрдо решил, что сегодня же вернётся к господину Кадаврусу и будет просить прощения. Коль потребуется, он готов умолять и пасть на колени. Если раньше такие мысли в принципе не посещали голову альрауна, то в эту минуту он, чумазый и растрёпанный, не видел в них ничего зазорного. Встречаться каждый вечер с чем-то неизвестным, пугающим и опасным и дальше он совсем не хотел.

«Подумаешь, встать на колени, – размышлял обновлённый Саймон, ползя на брюхе и тихо кряхтя. – Не велика беда! Если Кадаврус меня простит и пустит обратно в дом, оно того стоит. Прикажет – я вообще буду всё время на четвереньках ходить, лишь бы в особняке!»

Впереди он увидел небольшую часовню. Почему-то он твёрдо был убеждён, что в ней нет, и не может быть, Могильщиков. Постепенно приближаясь к ней, Саймон приобретал уверенность в том, что страшные обитатели Великого Погоста его уже не достанут. Наконец он настолько осмелел, что поднялся на ноги и наспех отряхнулся, хотя стать чище это ему, конечно, не помогло. Оглянувшись в последний раз, альраун торопливым шагом поковылял к часовне.

Могильщики в это время уже ушли (куда они уходят по утрам, никому не известно). Правда, Саймон этого не знал. Несмотря на все свои недостатки, он очень быстро усвоил один очень важный урок: перестраховаться никогда не будет лишним. Должно быть, теперь он ни за что не отступит от

этого правила.

Вскоре он добрался до часовни. На мгновение остановившись, Саймон прислушался – что там внутри? Не услышав ничего, что могло бы его отпугнуть, он зашёл внутрь. К счастью, старая дверь была не заперта.

На небе снова две луны,

Но я по-прежнему одна.

Как те, что здесь погребены,

Забыта всеми навсегда.

И только добрый чёрный кот

Ко мне приходит каждый день.

И он как раз, наверно, тот,

Чью вижу в зеркале я тень.

Ну что ж, привет, мой маленький сосед.

Пойдём к столу, я травы заварю...

Тихим голосом пела эти грустные строчки миловидная и немного печальная девушка с растрёпанными бледно-синими, как потускневший лазурит, волосами, стоя возле большого овального зеркала с цветком в одной руке и гребнем в другой.

Девушку звали Вербена, и она жила в этой старой часо-венке на Великом Погосте уже довольно давно. Как можно понять из её песни, в гости к ней приходил лишь чёрный кот. Остальные жители Кошмариуса по разным причинам о ней почти не знали, а те, кто знал, не замечали её. Да и сама она редко выбиралась в город. Жизнь Вербены была тихой и одинокой. Она очень мило обустроила небольшую часовню изнутри. Если бы кто-то решил проведать её, то смог бы по достоинству оценить небогатое убранство и даже некоторый уют и тепло, что для дома кладбищенского жителя, вообще-то, является редкостью.

За часовней находился небольшой палисадник. Совсем крохотный, но тоже довольно симпатичный. Там Вербена выращивала маргаритки – едва ли не единственные цветы, которые росли на Великом Погосте, если, конечно, не считать невзрачных могильников и прочих сорняков. Она могла бы похвастаться своими маргаритками, если бы нашёлся тот, кому это интересно. Кот, который приходил к ней, хоть и умел разговаривать, не понимал в цветах ничего и считал

их обычной травой, годной разве что для прочистки желудка. Поэтому девушка радовалась своим цветам в полнейшем одиночестве. Иногда Вербена даже разговаривала с ними и пела им песни, как сейчас. Особенно много девушка общалась с маргаритками в долгие дождливые дни, когда забирала их из палисадника в часовню и расставляла по подоконникам всех трёх окон, которые там были. В мокрую погоду кот к ней, понятное дело, не заходил. И ей ничего не оставалось, кроме как говорить с собой или с молчаливыми растениями.

Печальная песня Вербены застала Саймона врасплох. Он-то был уверен, что в часовне никого нет. По правде сказать, он понятия не имел, зачем вообще ему потребовалось заходить сюда. Скорее всего, альраун просто хотел избежать встречи с Могильщиками.

«В часовне я смогу укрыться от них, и они меня не достанут», – пытаясь унять дрожь в своём худосочном тельце, рассуждал он, когда решил войти внутрь.

Как бы то ни было, его визит не остался незамеченным. Увидев тень в зеркале, Вербена подумала, что это тот самый чёрный кот, её знакомый, и, отложив гребень, повернулась. Девушка поняла, что ошиблась, когда из-за массивной двери показалась любопытная испуганная мордашка Саймона.

Альраун воровато, на цыпочках, продвигался от порога вглубь часовни, чтобы посмотреть, кто же поёт тихую песню.

Вербена прекратила своё пение и теперь с не меньшим любопытством взирала на Саймона.

Немая сцена длилась недолго. Девушка заговорила первой.

– Не бойся, малыш, я не обижу тебя, – сказала она с улыбкой, хотя сама в глубине души не была уверена, что Саймон не представляет опасности.

Вид у него был незавидный. Скитания по городу, посиделки в таверне и утренняя история с Могильщиками привели его внешний облик в плачевное состояние. Сейчас альраун походил на побитого жизнью помойного кота, пусть и передвигающегося на задних лапах. Шерсть взбилась клочками, там и тут виднелись ссадины и синяки, хвост был как ободранная щётка для обуви. В общем, выглядел он на фоне скромного уюта жилища Вербены весьма подозрительно. Здесь уж волей-неволей подумаешь: «А не проходимец ли он? Не вор ли какой?»

Впрочем, все жители Кошмариуса да и всей страны Двунунии, в той или иной степени выглядят странновато. Некоторых даже можно назвать страшными, но к этому все давно привыкли. Поэтому Вербена не испугалась Саймона. И всё же его ранний визит стал для неё полнейшей неожиданностью.

Саймону не понравилось, что его назвали малышом. Несмотря на все свои злоключения последних дней, бунтарский дух он до конца не растерял и поэтому сразу же начал оспаривать это определение.

Таким образом и завязался довольно забавный разговор

между одинокой и скучающей девушкой и беспечным альрауном. Вербена была вежливой и при этом имела хорошее чувство юмора. Она не преминула несколько раз намекнуть Саймону на его потрясающий внешний вид, пожурив его, когда он рассказал о своей аванюре с цыганами, и посмеялась над его словами про совесть, как и многие другие. Правда, в отличие от остальных, Вербена была участливой. Она пожалела глупого Саймона и объяснила ему, что совесть – это никакой не зверёк, как говорил Драуг. До озорника альрауна наконец-то дошло, что совесть – это то, чего ему действительно не хватало все те годы, пока он жил в доме господина Кадавруса. Вербена была начитанной девушкой, а потому смогла простыми словами донести до неграмотного Саймона всю суть его поисков.

Разговор длился довольно долго. Саймон в какой-то момент вновь с грустью вспомнил покинутый особняк и то, как хорошо ему там жилось. Тем более что в последнее время он многое осознал. Всё-таки его приключения не прошли даром.

Альраун был благодарен Вербене за то, что та смогла помочь ему в его скитаниях, а она в свою очередь поделилась с ним своими печальями. Саймон пытался не упустить ни одного её слова. Он не имел возможности сделать что-то для неё прямо сейчас, но решил для себя, что приложит все усилия, чтобы у Вербены появились друзья. Конечно же первым в список друзей Вербены он включил самого себя.

Девушка показала ему маргаритки, но, к сожалению, Саймон, как и чёрный кот, о котором она пела, ничего не понимал в цветах. Что ни говори, альраун и впрямь был похож на кота. Вербену это даже немного позабавило.

Она заварила ему успокаивающих трав⁷, дала какой-то рогалик и сахара. Саймон с удовольствием позавтракал. Аппетит у него был отменный, ведь он давно уже ничего не ел. Да и травяной настой Вербены оказался очень вкусным, а уж рогалик тем более.

Теперь Великий Погост, который составлял почти весь вид из трёх окон часовни, казался Саймону не таким уж и страшным. Он даже рассмотрел невысокие деревья, не замеченные им по пути сюда. Скрючившиеся в самых невероятных изгибах, они дополняли мрачный, но умиротворяющий пейзаж Погоста и уют, что создала в своём жилище Вербена. В часовне было чисто и тихо. Здесь стояли небольшая кровать, застеленная старым тёмно-зелёным клетчатым пледом, стол и витые стулья, а также то самое овальное зеркало на большом трюмо из коричневого дерева. На окнах висели полосатые занавески, а на стене – часы в виде кривого домика с треугольной крышей. Таких домиков, только настоящих, Саймон видел немало, но эти часы ему всё равно понравились. Тем более что каждый час они оповещали хозяй-

⁷ Известно, что кладбищенские травы, которые многие дилетанты принимают за сорняки, на самом деле имеют удивительные свойства. Они благотворно влияют на расшалившиеся нервы, успокаивают и умиряют мысли. Это весьма кстати, поскольку живым, в конце концов, тоже нужен отдых, равно как и мёртвым.

ку о том, сколько сейчас времени. В них был механизм, и по прошествии часа из крыши на пружинке выскакивало что-то похожее на маленького человечка на тележке и с трубой в руках и издавало звук «Ту-ту» нужное количество раз.

– Это часы с Тутушкой, – сказала Вербена, когда маленький человечек впервые протрубил время.

Саймон, подавившись от неожиданности, пришёл от часов в восторг.

Заметив, какой он уставший, Вербена разрешила альрауну вздремнуть на её кровати. Правда, сначала она заставила его привести себя в порядок и отправила к умывальнику. Девушка заверила Саймона, что господин Кадаврус непременно примет его обратно, когда он вернётся.

Отдохнув и набравшись сил, Саймон вышел от доброй Вербены уже под вечер. Девушка сказала, чтобы он сразу свернул налево от главных решётчатых ворот, которые увидит после того, как пройдёт склеп в виде большой трёхглазой рыбы.

– Это будет Погребальная улица, – объяснила Вербена, – Как дойдёшь до конца, считай, что оказался почти в центре города, а там уже не потеряешься!

Саймон поблагодарил её за гостеприимство и, попросив ещё рогаликов, двинулся в путь.

Насвистывая какой-то весёлый мотив, альраун шёл по Великому Погосту, пока не увидел тот самый склеп в виде трёхглазой рыбы. Раньше он бы непременно его испугался, но те-

перь Саймон был почти бесстрашен. При виде этой жуткой рыбины с выпученными глазами у него под шерстью пробежали лишь мелкие мурашки, и только.

Так, с рогаликами в холщовом мешочке и в хорошем настроении, он покинул кладбище. Ничто не могло испортить этот замечательный вечер. Саймон возвращался домой!

Прозерпина Уэйн уходит на покой

Вступление

В северной части Кошмариуса, где заканчивается улица Висельников, названная так в память об одной прискорбной истории, повествующей о том, как давным-давно здесь в течение месяца, словно передавая мрачную эстафету, повесились двадцать три незнакомых человека, находится трёхэтажный особняк. Некогда он принадлежал графу Милдрету, одному из богатейших жителей города, но после его внезапной кончины поместье было передано во владение недавно переехавшему в Кошмариус семейству Уэйнов.

Вдова, леди Изольда Милдрет, не пожелала оставаться одна в большом пустом доме, поэтому не стала возражать, когда семейство Уэйнов подало прошение о покупке этого старинного особняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.